

Рекорды войны

Иван Кожедуб перед боевым вылетом

Александр Покрышкин (в центре) в кругу фронтовых друзей-летчиков

В Великую Отечественную войну ратные умельцы экстра-класса сражались в разных родах войск. Их называли асами.

Один из них – Дмитрий Лавриненко, командир танка Т-34. Летом и осенью 1941 года его имя гремело по всему фронту от Черного до Баренцева моря. «Равняйтесь на Лавриненко!» «Бить врага, как танкист-гвардеец!» – кричали газетные переповицы. Он участвовал в 28 ожесточенных схватках с противником и всегда выходил победителем. Результат – 52 уничтоженных танка. Причем львиную долю из них он сжег и подбил в тяжелейших оборонительных боях под Москвой осенью 1941 года. 1-я гвардейская танковая бригада, в которой воевал Лавриненко, дралась с врагом бок о бок с дивизией Панфилова. Горькие уроки летних боев, когда атаки в лоб оборачивались гигантскими потерями в технике, многому научили советских танкистов. И теперь они применяли в бою более хитрую тактику – били противника из засады. Лавриненко был настоящим виртуозом засад. Пример – бой у деревни Лысцово в середине ноября 1941-го. Свой танк Лавриненко поставил в чистом поле. Среди снегов выкрашенная белилами машина была практически незаметной. Вскоре на дороге, идущей вдоль поля, показалась немецкая бронеколонна. Лавриненко ударил по бортам сначала головных машин, затем – по замыкающим и, не давая противнику опомниться, дал несколько прицельных залпов по центру

колонны. Итог – шесть сожженных машин. Пока немцы приходили в себя, «тридцатьчетверка» развернулась и, поддав газку, растворилась в снегах. Три дня спустя экипаж Лавриненко отличился в бою у поселка Гусенево. Семью снарядов сжег семь вражеских танков, увеличив свой боевой счет до 50 уничтоженных машин врага. В немецких панцерах также были свои асы. Самый результативный – Курт Книспель (168 побитых машин). А самый знаменитый – Михаэль Витман (138). На фоне трехзначной статистики немцев боевой результат Лавриненко видится не слишком убедительным. Однако не спешите с выводами. И Книспель, и Витман успели провоевать по несколько лет каждый. Тогда как Лавриненко – всего лишь пять месяцев. Последний, 52-й танк он уничтожил 18 декабря 1941 года. А на следующий день погиб. Погиб случайно, нелогично – сколок шальной мины пробил ему сердце, когда он стоял возле своего танка. И можно только предполагать, каким мог бы оказаться итоговый счет советского аса, доживи он до победного мая 1945-го. В истребительной авиации картина в чем-то аналогичная. Персональные боевые счета лучших советских летчиков недотягивают даже до сотни сбитых самолетов. У Ивана

Кожедуба – 62, Александра Покрышкина – 59, Николая Гулаева – 57. У немцев же тройка призеров выглядит так: Эрих Хартман – 352, Герхард Баркхорн – 301, Гюнтер Рааль – 275. Но и в небесной бухгалтерии есть свои нюансы. Неслучайно многие историки авиации настоячиво, с цифрами в руках доказывают, что пропахшую нафталином статистику советских асов давно пора скорректировать в сторону увеличения. В частности, личный счет Александра Покрышкина должен быть увеличен как минимум вдвое – до

три самолета за одну воздушную схватку. А «излишки» отдавал своему ведомому и другим летчикам эскадрильи. К тому же в советских ВВС во время войны действовал поистине драконовский порядок фиксации личных побед. Пленки фотопулеметов, в отличие от Люфтваффе, никогда не считались достаточным доказательством. Как и показания других участников воздушного боя. Требовались письменные подтверждения наземных войск с обязательным указанием места падения сбитого самолета. А в первой половине войны от

Покрышкин, человек широкой русской души, попросту дарил свои сбитые самолеты друзьям-однополчанам

116 сбитых машин. Дело в том, что Покрышкин, человек широкой русской души, попросту дарил свои сбитые самолеты друзьям-однополчанам. И так же, как Покрышкин, поступали на фронте другие известные летчики. Например, Борис Сафонов, истребитель-североморец, первый дважды Герой, погиб 30 мая 1942 года, защищая союзный конвой. К моменту гибели на личном боевом счете Сафонов значились 22 сбитых немца, хотя на самом деле его счет гораздо больше. Но у Сафопова было железное правило – больше одного сбитого за бой себе не записывать. А он, случалось, сбивал и по два, и по

летчиков требовали даже заводскую бирку с мотора сбитой немецкой машины. В результате из-за столь строгой системы подсчета советские асы лишились многих и многих действительно одержанных ими воздушных побед. В Люфтваффе было проще. Меньше бюрократии. На веру принималось все – и пленки фотопулеметов, и показания коллег-истребителей. Для фашистов война с СССР, помимо прочего, была войной идеологической, круто замешанной на расовом презрении к «недочеловекам». Отсюда – и чудеса бухгалтерии. Многие немецкие летчики, которые в боях на Западе не имели ни одной победы, оказавшись на

Востоке, начинали сбивать самолеты целыми пачками. В фантастические цифры воздушных успехов пилотов поначалу отказывались верить в Берлине. И только после личного вмешательства Гитлера все пошло как по маслу. Счета его «соколов» стали прирастать в геометрической прогрессии. Что удивительно: чем хуже шли дела на Востоке, тем все более пухлой становилась бухгалтерия асов Люфтваффе.

Что касается лучшего аса Люфтваффе Эриха Хартмана, то вторая половина из якобы сбитых им 352 машин подтверждается лишь таким весьма спорным источником, как письма Эриха к жене. Летная книжка пилота и штабные документы истребительной эскадры, в которой он воевал, утрачены безвозвратно в 1945 году. Вдобавок за время войны сам Хартман был сбит более десяти раз. И это – лучший пилот Третьего рейха!

В конце концов воздушные успехи, реальные и мнимые, вышли Хартману боком. Вскоре после победы «Белокурый рыцарь рейха», как величали его трубадуры из ведомства Геббельса, скинул свой небесно-голубой китель офицера Люфтваффе и в телогрейке отправился по этапу в один из сибирских лагерей пилить лес. Советский суд не попустился и впалял любимцу фюрера, награжденному всеми высшими наградами рейха, pleno-весный «червонец» по статье «Порча социалистического имущества». По заслугам, как говорится, и честь.

Стал легендой в 19 лет

Однажды в составе делегации белорусских ветеранов мне довелось побывать в Санкт-Петербурге. Во время встречи хозяева вспомнили о белорусе Феодосии Смолячкове, бестрашном снайпере, слава о котором гремела по всему Ленинградскому фронту во время героической обороны города на Неве.

О нем говорили бойцы в землянках, писали в газетах. Блокадники, обессиленные от голода и холода, присылали снайперу подношения стихи, желали крепкого здоровья и боевых успехов.

За то недолгое время, что он успел провоевать на Ленфронте, Феодосий Смолячков лично уничтожил 125 фашистов. По его примеру в воюющих частях появились «десятники», то есть снайперы, уничтожившие десять гитлеровцев. Затем «двадцатники», «пятидесятники» и, наконец, снайперы, на личном счету которых была сотня, две, и то и больше ликвидированных фашистов.

Феодосий Смолячков родился в 1923 году в деревне Подгорье Быховского района. Осенью 1940 года несколько тысяч белорусских ребят по организованному набору были направлены в Ленинград на учебу в школы фабрично-заводского обучения и ремесленные училища. Среди них был и Феодосий. Он выбрал профессию строителя, мечтал затем стать инженером.

Но все рухнуло в страшный день 22 июня 1941 года. Уже стояла под фашистским сапогом родная белорусская земля, горели города и села, гибли мирные люди, враг подступал к Ленинграду. Феодосий, который к тому времени окончил школу снайперов, пошел в Выборгский райком комсомола. И решительно заявил, что он снайпер и хочет быть на фронте. И своего добился. Уже к началу 1942 года на личном счету Феодосия Смолячкова числилось свыше сотни уничтоженных гитлеровцев. 2 января 1942 года красноармейская газета «Вперед!» цитирует отважного снайпера: «Теперь я начал уничтожать вторую сотню гитлеровских бандитов. Я еще настойчивее и самоотверженнее буду охотиться за двуногими зверями, буду воспитывать своим примером кадры снайперов. Уничтожая фашистское зверье, я мшу за любимую Родину, за родную Беларусь, землю, которую топчут немецко-фашистские сапоги».

У Феодосия Смолячкова появилось много последователей, что парня особенно радовало. Возвращаясь с «охоты» в землянку, Федя рассказывал о проведенном в засаде дне, знакомил с тонкостями снайперского дела. Он лично выводил своих учеников на огневой рубеж и там, под огнем противника, давал наглядные уроки снайперского мастерства. Так родилась школа Смолячкова, слава о которой шла по всему фронту. С каждым днем появлялось все больше и больше его учеников и последователей. Разумеется, о Смолячкове знали и немцы. И начали на него настоящую охоту, чтобы избавиться от неуловимого снайпера. Александр Кулаков, гвардии подполковник запаса, служивший в той же части, что и Феодосий, вспоминал: – За голову нашего юного героя немецкие офицеры обещали высокую награду. Охотились группы от 10 до 20 гитлеровцев. Однажды на него пошла в атаку два вражеских взвода, но Смолячков забросал их гранатами, благополучно прибыл к своим, даже не раненый.

Вот что писала солдатская газета «Вперед» 13-й дивизии, оборонявшей Пулковские высоты: «Смолячков успешно выиграл единоборство с немецким сверхснайпером Георгом Минке. Его специально прислало высшее фашистское командование под Пулково, чтобы расправиться наконец с неуловимым русским снайпером, который здесь навел ужас на нацистских головорезов. Четыре дня продолжался их поединок. Вместо железного креста Минке получил... березовый». В музее белорусского райцентра Быхов есть свидетельство о последнем дне героя: «15 января 1942 года Смолячков встал в снайперскую засаду трех своих учеников. Едва забрезжил рассвет, как его ученики и он сам начали отправлять фашистов к праотцам. Феодосий, убив четырех гитлеровцев, довел свой счет до 125. Метко разили врага и его ученики. Они уничтожили немецкого наблюдателя, телефониста, подстрелили зазевавшегося фашиста, шедшего на смену в сторожевое охранение. Среди фашистов поднялся переполох. Вблизи наших снайперов начались рваться снаряды и мины.

Напарник Смолячкова посоветовал: «Давай, Федя, убираться, пока не ухлопали». «Что ты! – ответил Смолячков. – Теперь самый раз мерзавцев и бить...»

Повременив немного, пока несколько стих вражеский обстрел, они пополнили. Но немцы снова возобновили обстрел, еще более лютый. Рядом за бруствером разорвалась мина. Смолячков вдруг схватился за голову и медленно стал оседать на землю.

Стойков нагнулся, придерживая друга, стал его поднимать. Феодосий попытался встать, но силы оставили его. «Неужели все?.. – прошептал снайпер. – Так хочу жить...»

Он сделал еще попытку, чтобы встать... Но не встал. Глаза его закрылись навеки».

Глубокою скорбь переживала вся дивизия, читаем дальше в документе. В частях и подразделениях, оборонявших Пулково, прошли траурные митинги. Тяжелую утрату разделяли вместе с воинами 13-й дивизии бойцы и командиры всего Ленинградского фронта. А его политуправление обратилось с воззванием к защитникам Ленинграда: «Мы потеряли богатыря Великой Отечественной войны. В груди 19-летнего юноши билось сердце беловежика, горячего патриота Родины, верного сына советского народа, сердце, наполненное ненавистью к немецким варварам и убийцам.

Посмертно Смолячкову было присвоено звание Героя Советского Союза. Его имя носит улица в Санкт-Петербурге, Минске и Быхове. Также легендарному снайперу установлены памятники в Санкт-Петербурге, в Быховском районе возле поселка Воронино на шоссе Могилев – Гомель и в его родной деревне Подгорье.

Михаил ШИМАНСКИЙ, лауреат Государственной премии Беларуси

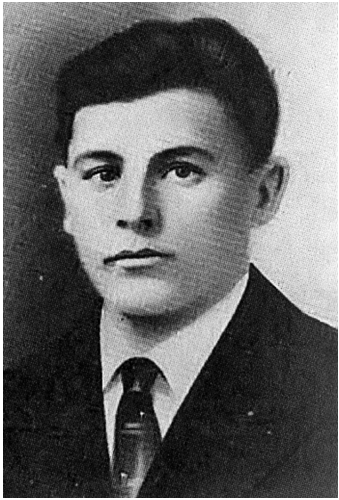
В годы войны Ленинград, под стенами которого воевал Феодосий Смолячков, превратился в неприступную крепость для врага

Трагический вираж группы Смелого

В годы войны в рядах героического Минского подполья сражались несколько известных белорусских спортсменов. Один из них – чемпион республики по велоспорту Сергей Вишневский.

На велосипедных трассах он на равных конкурировал с известным велогонщиком, чемпионом Советского Союза Борисом Большаковым. Призванный на срочную службу в пограничные войска, минчанин стал офицером и командовал одной из застав Полоцкого погранотряда. В апреле 1942 года группа капитана Вишневского была заброшена на территорию оккупированной Беларуси. Перед разведчиками стояла задача добраться до Минска, легализоваться в городе и организовать сбор информации о военных объектах и эшелонах, шедших на фронт. В группу Смелого (оперативный псевдоним Вишневского) входили Валентин Павлович и радист

Ефрем Мельников. Валентин, как и Сергей, родился и вырос в Минске, хорошо знал город, здесь жили его родители. Все это помогло разведчикам быстро ориентироваться в обстановке, раздобыть нужные документы и собрать группу патриотов, которые помогали им в подпольной работе. Сам Вишневский, которому сделали документы на имя Сергея Казимировича Владимировича, в качестве двоюродного брата прописался у Марии Лисецкой, хорошо знавшей его с детских лет. Сбором информации занимались его друзья по спорту Даниил Максимов и Владимир Садковский, а также Николай Денскевич, Александра Савич и Павел Романович Ля-

ховский с женой Прасковьей Александровной.

В мае в Минске появилась еще одна группа парашютистов из Москвы, которую возглавлял Леонид Барсуковский. Сергей и Леонид случайно встретились на одной из улиц Минска, сообщили об этом в Центр, откуда вскоре получили радиogramму, в ко-

торой им было дано добро на совместную работу двух групп. Чуть позже со специальным заданием в белорусскую столицу из-за линии фронта прибыл Николай Бортник. Центральным комитетом Компартии Белоруссии ему было поручено наладить связь с минским подпольем, что он вскоре и сделал.

Главной проблемой для группы Вишневского было не «засветить» радио, поэтому после нескольких сеансов связи с Москвой приходилось менять конспиративные квартиры. Однако меры предосторожности не всегда помогали. Осенью 1942 года немцам все-таки удалось запереленовать радио после радиосеанса в доме Даниила Максимова. Мельников и Павлович успели уйти до появления гитлеровцев, но те арестовали Максимова и позже расстреляли в тюрьме.

Группа оказалась на грани провала. Ситуацию усугубил и другой эпизод, о котором после

войны вспоминал Павел Ляховский. В ноябре 1942 года Сергей, проходя по Ленинской улице, заметил двух гестаповцев и одного гражданского, в котором узнал разведчика, заброшенного в район Витебска. Оказалось, он был арестован немцами и начал сотрудничать с СД. Агент узнал Сергея, которому с трудом удалось уйти от погони, благо в руины немцы лезть боялись. Вспороб у уходе группы из города встал ребром.

Павел Ляховский связал группу с партизанским отрядом «Штурм», который базировался в лесах Логойского района, и в середине декабря команда капитана Вишневского, а также Мария Лисецкая и Николай Бортник, захватив радио, оружие и боеприпасы, ушли из Минска. В те же дни со своей группой город покинул и Леонид Барсуковский. Увы, ни подпольщики, ни разведчики не знали, что в партизанские соединения пришла

директива начальника Центрального штаба партизанского движения Пантелеймона Пономаренко от 4 ноября 1942 года, которая и предопределила их судьбу. В директиве говорилось: «Всем партизанским бригадам и отрядам Белоруссии. Немецкая разведка в Минске организовала подставной центр партизанского движения с целью выявления партизанских отрядов, засылки в них от имени этого центра предателей и ликвидации партизанских отрядов. Этот центр партизанскими отрядами Минской зоны разоблачен. Имеются сведения о том, что в этих же целях немецкой разведкой создан второй центр, который также рассылает директивы и людей и пытается связаться с партизанскими отрядами. Приказываю: 1. В целях предотвращения проникновения в отряды вражеской агентуры партизанским отрядам с представителями каких бы то ни было организаций из Минска

в связи не вступать и никаких данных о дислокации, численности, вооружении и действиях отрядов не давать; 2. Появляющихся представителей тщательно проверять, внушающих сомнения задерживать».

Прикрываясь этой директивой, без всякой проверки командир партизанской бригады «Штурм» Борис Лунин приказал расстрелять как агентов гестапо прибывших из Минска разведчиков и связных: Сергея Вишневского, Ефрема Мельникова, Николая Бортника, Леонида Барсуковского, Марию Лисецкую, Ольгу Кухто, Александра и Марию Загорских.

Возможно, на том бы история и закончилась, если бы после войны Павел Ляховский не озабочился судьбой боевых товарищей, которых пытался найти, и не выяснил ужасающий факт их гибели. Расследование, проведенное Главной военной прокуратурой, установило, что Сергей

Вишневский, Леонид Барсуковский и другие расстрелянные с ними разведчики являлись патриотами Родины и честно выполняли данное им задание. За необоснованный и незаконный расстрел группы разведчиков Борис Лунин, которого лишили звания Героя Советского Союза и всех наград, 22 июля 1957 года был осужден Военным трибуналом БВО. На суде также выяснилось, что Лунин в первые месяцы войны, попав в плен, согласился служить в полиции и расстрелял десятки военнопленных. Чтобы скрыть свои преступления, ушел в лес, организовал партизанский отряд, а позже без суда и следствия уничтожил 36 советских патриотов, в том числе и разведчиков Генштаба Красной армии.

Тогда же останки героев-разведчиков были найдены и перезахоронены и сегодня покоятся в братской могиле на городском кладбище в городе Заславле.